

Секция «Теоретическо-методологические аспекты изучения стабильности и устойчивости современных политических систем»

Место системы образования в технологическом цикле цветных революций

Научный руководитель – **Иванов Владимир Геннадьевич**

Пархоменко Георгий Игоревич

Студент (магистр)

Российский университет дружбы народов, Факультет гуманитарных и социальных наук,
Москва, Россия

E-mail: ge.par.d308@gmail.com

Начало второго десятилетия XXI века характеризовалось чередой «цветных революций», которые явились результатом небывалого развития инструментов, как заявила в 2009 г. госсекретарь США Хиллари Клинтон, «умной силы» [5]. Появление защищенных средств коммуникации, ставших массовыми даже в развивающихся странах, а также переосмысление западными странами некоторых внешнеполитических подходов дало толчок к серии протестов, вызвавших смену правительств в целом ряде стран. Одним из ключевых требований к успешному инициированию государственного переворота является наличие у населения страны определенного протестного потенциала. Как правило, эффективные правительства стараются держать этот потенциал на относительно низком уровне путем реализации социальных программ, либо же канализировать его в «безопасные» общественные движения. Таким образом, стабильность политического режима напрямую зависит от качества его работы. Однако, даже эффективные политические режимы вполне досягаемы для технологий цветных революций. Для искусственного наращивания протестного потенциала могут применяться методы или совокупности методов, способные создать у индивида чувство фрустрации, которая естественным образом перерастает в агрессию и тревогу. Комбинированное (гибридное) воздействие на индивида по нескольким каналам манипуляции позволяет ассоциировать данное чувство, например, с действиями властей, таким образом поднимая его протестный потенциал. Такая методика предполагает координированное использование социальных, экономических и психологических средств. Последовательность действий в подобном сценарии выглядит примерно следующим образом:

- 1) На фоне фазы экономического роста активизируется деятельность НКО, а так же открываются национальные квоты в обменных программах и обучении за рубежом для «страны-мишени». Создаются максимально комфортные условия для подготовки большого количества высококвалифицированных специалистов. Усиливается грантовая поддержка социальных проектов.
- 2) Дефицит специалистов на рынке труда положительно влияет на уровень заработной платы, вместе с которым растут и финансовые ожидания кандидатов, в их картине мира закрепляется определенное представление об ожидаемом уровне жизни.
- 3) Темпы роста замедляются либо в результате нисходящего экономического цикла (в данном случае время начала первой фазы проекта должно быть тщательно выверено для достижения максимального разрыва между ожиданиями и реальностью), либо с помощью экономических санкций.
- 4) Выходящие на рынок труда специалисты осознают, что отдача от времени и средств, которые они инвестировали в престижное образование, куда ниже, чем ожидалось и поддерживать желаемый уровень жизни едва ли получится. Этот заниженный результат приводит к фрустрации.

- 5) Параллельно с падением рынка через СМИ, массовую культуру и лидеров общественного мнения подпитываются растущие ожидания. С помощью прогрессивных пропагандистских методов, позволяющих воспроизводить ценностные установки без прямого участия инициаторов, неудачи ассоциируются с действиями текущего правительства.
- 6) В стране «возникает» оппозиционное движение, которое тут же заручается поддержкой ряда крупных государств как «легитимное и демократическое», которое «в поле» опирается на тех самых нетрудоустроенных/разочарованных выпускников, которые теперь мотивированы принимать участие в политической жизни, в т.ч. через массовые протесты, поскольку считают, что новое руководство страны улучшит их положение.

Яркими примерами подобной технологии являются «финиковые революции» в Тунисе (2010-2011) и Египте (2011-2013), хотя, нужно отметить, там проблемы с трудоустройством квалифицированных специалистов являлись, в том числе, результатом не слишком удачной государственной образовательной политики. Тем не менее, не стоит списывать со счетов тот факт, что в 2010 году, на заре «Арабской весны», программа американского госдепартаментa по реализации публичной дипломатии и образовательных программ на Ближнем Востоке и в Северной Африке (MEPI) получила дополнительное финансирование в объеме 86 млн. долларов, что почти в два раза больше по сравнению с предыдущими годами [3]. Что примечательно, инициатор увеличения финансирования программы, Барак Обама, в самый разгар кризиса в Тунисе высказался в поддержку «мирного волеизъявления Тунисского народа» [4]. Таким образом, трудно отрицать влияние внешних факторов на эти события, хотя оценить степень вовлеченности иностранных акторов весьма затруднительно. Наличие подобных механизмов влияния может объяснять ряд, на первый взгляд, неочевидных решений, вроде закрытия программ студенческих обменов или введение закона об иностранных НКО, которые серьезно сужают окно возможностей для проекции «мягкой» или «умной» силы.

Источники и литература

- 1) Иванов В.Г. «Естественный уровень образования» как фактор стабильности политического режима. Часть 2 // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2012. № 1.
- 2) Ярославцева А.О. Экономический рост как фактор политической стабильности. Вестник РУДН. Серия «Политология». 2015. № 4.
- 3) McInerney, Stephen. The President's Budget Request for Fiscal Year 2010: Democracy, Governance, and Human Rights in the Middle East, 2009
- 4) BBC News: In quotes: Reaction to Tunisian crisis [Электронный ресурс]. - 15.01.2011 - URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-12197681> (Дата обращения: 20.02.2019)
- 5) CBS News: Clinton: Use "Smart Power" In Diplomacy [Электронный ресурс]. - 13.01.2009 - URL: <https://www.cbsnews.com/news/clinton-use-smart-power-in-diplomacy/> (Дата обращения: 20.02.2019)